10—20 Ноября. 1917 года.

ПЕНЗЕНСКІЯ
ЕПАРХІАЛЬНЫЯ
ВѢДОМОСТИ.
№ 26—27.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

О современномъ положеніи духовенства Православной Церкви.

То тяжелое правовое, общественное и матеріальное положеніе православнаго духовенства, о которомъ мы говорили въ предшествующихъ очеркахъ, должно имѣть и имѣетъ уже и теперь тяжелыя послѣдствія для жизни Церкви, а въ недалекомъ будущемъ эти послѣдствія будутъ еще тяжелѣе, еще печальнѣе. Стоитъ раскрыть Епархіальныя Вѣдомости, издаваемыя во всѣхъ епархіяхъ, и сейчасъ же въ глаза бросается фактъ, наводящій на печальныя размышленія—это списки „праздныхъ мѣстъ" въ приходахъ. Такихъ праздныхъ мѣстъ священническихъ, діаконскихъ и псаломщическихъ очень мно-

го во всѣхъ епархіяхъ: гдѣ 20, гдѣ 30, гдѣ 40 и болѣе. Лишь въ очень немногихъ епархіяхъ такихъ праздныхъ мѣстъ менѣе десятка. Фактъ громаднаго количества праздныхъ мѣстъ можно отчасти объяснять и объясняютъ тѣмъ, что часть, положимъ, священниковъ ушла въ армію, часть приходовъ не могла быть занята оканчивающими курсъ семинаріи, которыхъ, если они не шли въ высшія учебныя заведенія, тотчасъ привлекали въ войска и не давали занять мѣста священниковъ и псаломщиковъ, частью объясняется уже сложившимся ранѣе стремленіемъ оканчивающихъ курсъ семинаріи итти учиться далѣе и занять мѣста, дающія лучшее матеріальное обезпеченіе. Человѣкъ ищетъ гдѣ лучше, а самоотверженные юноши—идеалисты насчитываются обычно не сотнями, а лишь единицами.

Но указанный фактъ обилія во всѣхъ почти епархіяхъ праздныхъ мѣстъ имѣетъ и другое объясненіе. Множество священниковъ въ первый же мѣсяцъ революціи были изгнаны изъ своихъ приходовъ. Напомнимъ, что, по сообщенію газетъ, въ одной Кіевской епархіи было изгнано до 60 священниковъ, въ Саратовской—65; въ другихъ епархіяхъ изгнанія священниковъ въ первый революціонный мѣсяцъ насчитывались тоже десятками. Въ послѣдующіе мѣсяцы изгнанія не прекратились совсѣмъ, но стали рѣже, а часть изгнанныхъ священниковъ даже вернулись на старыя мѣста, частью же поступили на другія праздныя. Но, несомнѣнно, фактъ большого числа праздныхъ мѣстъ, главнымъ образомъ священниковъ, объясняется этими изгнаніями, и этотъ фактъ имѣетъ самыя печальныя послѣдствія въ жизни Церкви. Въ тяжелое переходное, переживаемое нами время на духовенство возложена тяжелая и чрезвычайно отвѣтственная обязанность переустройства прихода на новыхъ началахъ, установленія новыхъ болѣе справедливыхъ, болѣе правильныхъ отношеній духо-

венства къ прихожанамъ, къ паствѣ. Въ десяткахъ приходовъ одной епархіи, не въ одной тысячѣ приходовъ всей Россіи не только не совершается этого переустройства приходовъ, не только не налаживаются отношенія пастырей къ паствѣ и обратно, но церковная жизнь тамъ или пришла въ совершенное разстройство или даже совсѣмъ замерла. Паства предоставлена самой себѣ и постороннимъ, въ наши дни очень вреднымъ, противорелигіознымъ вліяніямъ; богослуженіе тамъ совершается рѣдко и случайно, пастырскаго руководства совсѣмъ нѣтъ. Если религіозный уровень народа и вообще то не высокъ, то въ этихъ „праздныхъ" приходахъ, въ отсутствіи руководителя—священника, онъ становится еще ниже. Новымъ пастырямъ, которые рано или поздно поступять сюда, придется не просто устраивать приходъ, но и строить его часть заново. А эта работа не только тяжелая и отвѣтственная, но что главное—не очень многимъ по силамъ. Значитъ, разруха въ Церкви и теперь налицо и въ будущемъ не обѣщаетъ исчезнуть. Напротивъ, она обѣщаетъ еще обостриться и увеличиться.

Дѣло въ томъ, что количество праздныхъ мѣстъ въ приходахъ объясняется не тѣмъ лишь, что духовенство и въ частности священниковъ изгоняютъ изъ приходовъ, но и тѣмъ, что духовенство само добровольно оставляетъ приходы. Упругостью, энергіей русскій человѣкъ, вообще говоря, похвалиться не можетъ, не можетъ, конечно, похвалиться этими качествами и духовенство. Недоброжелательное, а порою и враждебное настроеніе прихожанъ выносить очень трудно, трудно, тяжело видѣть, а тѣмъ болѣе выносить засилье въ деревнѣ нѣкоторыхъ рьяныхъ мѣстныхъ вожаковъ, тяжело жить постоянно какъ бы на вулканѣ, ожидая постоянно взрыва: сегодня въ приходѣ, на мѣстѣ, а завтра, быть можетъ, придется быть выкинутымъ на улицу, съ семьей, на голодъ

и холодъ. Напрягаются постоянно и треплются нервы и хочется бѣжать, куда глаза глядятъ, отъ удручающей умъ и сердце приходской обстановки. И не выдерживаютъ, бѣгутъ, на всякое другое мѣсто, хоть въ чернорабочіе, только подальше отъ прихода, отъ его порядковъ и настроеній. Яркую картину „добровольнаго" бѣгства священниковъ изъ приходовъ даетъ „Оренб. Ц.—Об. Вѣстникъ". „Одинъ изъ священниковъ Челябинскаго у., выйдя за штатъ, поступилъ членомъ правленія союза кооперативовъ; вслѣдъ за нимъ на службу въ кооперативъ переходитъ другой священникъ, извѣстный въ томъ же уѣздѣ за опытнаго пчеловода. Два священника имѣютъ намѣреніе поступить учителями высшихъ начальныхъ училищъ. Священникъ С., оставивъ приходъ, поступилъ въ земство въ качествѣ завѣдывающаго библіотечнымъ дѣломъ въ уѣздѣ. Одинъ священникъ получилъ предложеніе поступить въ крупную московскую фирму въ качествѣ помощника бухгалтера, другой ведетъ переговоры съ большой московской газетой, которая предлагаетъ ему быть спеціальнымъ корреспондентомъ для Сибири". Итого 7 священниковъ, а далѣе перечисляются десять священниковъ Оренбурской епархіи, ушедшихъ и уходящихъ въ университетъ. Несомнѣнно, есть еще и уходящіе въ духовную академію. Такимъ образомъ, за короткій срокъ и изъ одной лишь епархіи уходитъ съ приходовъ 17—20 священниковъ. Сколько же сотенъ ихъ или даже тысячъ ушло изъ приходовъ по всей Россіи отъ тяжелыхъ условій приходской жизни?

Помимо нравственной атмосферы въ приходѣ, всего болѣе гонятъ духовенство матеріальныя условія. Одинъ изъ о. діаконовъ Орловской епархіи возмущается тяжелыми матеріальными условіями жизни современнаго духовенства и тѣмъ отношеніемъ къ этимъ условіямъ, которое обнаруживаютъ міряне (на съѣздѣ). „Трудъ духовныхъ на съѣздѣ разсма-

рывался какъ только физическій и, притомъ, крайне несправедливо и односторонне, говоритъ о. діаконъ. Разсматривая трудъ духовныхъ, міряне не сочли нужнымъ упомянуть о трудности ихъ служенія въ холодныхъ храмахъ зимой; о проводахъ умершихъ пѣшкомъ въ ненастье и стужу, о возможныхъ зараженіяхъ и о многомъ другомъ... О духовномъ значеніи труда духовенства не было и рѣчи, образованіе его во вниманіе не принималось... Рѣшено было отобрать отъ духовенства церковную землю, а взамѣнъ ея и причтовыхъ доходовъ назначить жалованье въ такомъ размѣрѣ: священнику 1200 р., діакону 1000 р., псаломщику 800 р. въ годъ. И это въ настоящее время чудовищной дороговизны на все, когда дворникъ, простой чернорабочій получаютъ по 100 р. и болѣе въ мѣсяцъ, когда всѣмъ служащимъ правительственныхъ и общественныхъ учрежденій повышено жалованье. Понятно, что на такое жалованье духовенству жить невозможно, не говоря уже объ образованіи и воспитаніи дѣтей... Неужели, восклицаетъ о. діаконъ, духовенству суждено остаться въ нищетѣ не только теперь, но и въ обновленной Россіи!" (Ор. Е. В. № 25).

„Соврем. Лѣтопись", указавъ на фактъ, что въ одномъ приходѣ у духовенства отняли землю и сборы и положили на весь причтъ жалованья 500 р., недоумѣваетъ, какъ причтъ можетъ прожить на такую сумму, когда „пролетарій"-рабочій получаетъ въ сутки отъ 4-5 до 30 и выше рублей и все время требуетъ прибавокъ. „Почтовымъ сторожамъ и разсыльнымъ при почтовыхъ конторахъ положили 720 р. и еще дали квартиру, а служители Церкви и этого лишены. Живи, какъ хочешь и какъ знаешь. Питайся воздухомъ и служи народу". Единственный выходъ изъ создавшагося положенія для духовенства, замѣчаетъ газета, это бѣжать какъ можно скорѣе туда, гдѣ признаютъ право хоть на питаніе. Какъ

идейно ни будь настроенъ человѣкъ, но ему пить-ѣсть нужно же.,. Кромѣ того, приходскій священникъ не монахъ: у него семья. А сколько нынѣ стоитъ воспитаніе и обученіе дѣтей?

По этой именно причинѣ всего болѣе и бѣжитъ духовенство съ приходовъ, по этой причинѣ пустѣютъ приходы, а церковная жизнь тамъ приходитъ въ полное разстройство.

Это разстройство происходитъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда духовенство, не имѣя или силъ или возможности спасаться изъ приходовъ бѣгствомъ отъ матеріальной нужды, остается въ приходахъ, но, гонимое матеріальной нуждой, придумываетъ разнообразныя средства, какъ избавиться отъ этой нужды. Образованному человѣку въ деревнѣ, такъ нуждающейся на дѣлѣ въ образованныхъ людяхъ, хотя на словахъ и открещивающейся отъ нихъ, дѣло найти не такъ трудно. И духовенство его находитъ-въ кредитныхъ товариществахъ, въ разнообразныхъ комитетахъ, попечительствахъ, а иногда и просто занимается коммерческими предпріятіями, Нерѣдко одно и тоже лицо--священникъ, діаконъ или псаломщикъ--занимается и кое--что зарабатываетъ себѣ одновременно въ нѣсколькихъ мѣстахъ.

Бросить камень въ духовенство за это невозможно—въ самомъ дѣлѣ, нужно же духовенству пить-ѣсть и содержать свои семьи, но несомнѣнно, что эта посторонняя работа отвлекаетъ духовенство отъ пастырскихъ обязанностей. И безъ того духовенство обременено всякой, особенно бумажной работой, нужной и для прихода и для разныхъ министерствъ, но работой безплатной, занято пастырскими обязанностями, занято по дому и хозяйству, есть много дѣлъ общецерковнаго и профессіональнаго характера—нужно собираться, разсуждать о дѣлахъ и т. д. Выполнить всю эту работу одинаково добросовѣстно—трудно. А тутъ еще въ погонѣ за

кускомъ хлѣба приходится браться за всякую работу, только чтобъ она была платная. Да положеніе священника и совѣсть гражданина требуютъ выполненія и разнообразной безплатной работы. Ясно, что выполнить всего этого духовенство не въ состояніи—многое оно можетъ опустить и забросить или же выполнитъ все, но кое-какъ. Ясно, что отъ массы взятой на себя или возложенной другими работы страдаетъ и пастырская обязанность, церковное и приходское дѣло, которое, если выполнять его, какъ слѣдуетъ, можетъ цѣликомъ захватить всего человѣка и не оставить ему ни одной свободной минуты.

Такимъ образомъ, дѣло церковное страдаетъ не только въ томъ случаѣ, когда духовенство удаляется паствой изъ приходовъ или уходитъ отъ тяжелыхъ приходскихъ условій само, но страдаетъ часто и тогда, когда духовенство остается на мѣстахъ, но принуждено бываетъ, въ погонѣ за кускомъ хлѣба или по требованію времени и обстоятельствъ, разбрасываться, браться за разныя дѣла и всѣ ихъ, а въ томъ числѣ и пастырское дѣлать не такъ, какъ слѣдуетъ.

Есть и еще одно обстоятельство, которое угрожаетъ очень тяжелыми послѣдствіями церковному дѣлу—это замѣтное оскудѣніе достаточно образованныхъ кандидатовъ на свободныя пастырскія мѣста. Это явленіе годъ отъ году становится все ощутительнѣе. Началось оно не вчера, а довольно уже давно и по самымъ разнообразнымъ причинамъ, о которыхъ здѣсь не мѣсто распространяться. Обратимъ вниманіе лишь на тѣ условія и обстоятельства, какія существуютъ сейчасъ и которыя въ значительной степени препятствуютъ занятію достойно подготовленными кандидатами мѣстъ въ приходѣ, особенно священническихъ.

Сословный составъ учащихся въ духовныхъ семинаріяхъ очень опредѣленный; это, въ массѣ,—дѣти духовенства; %

инососло вныхъ хотя неуклонно увеличивается, но далеко еш не сравнялся съ % учащихся изъ духовнаго званія. Слѣд будущіе замѣстители пастырскихъ мѣстъ отлично знаютъ, н практикѣ, всѣ условія и обстановку пастырской дѣятельност они живутъ въ ней, А въ послѣдніе годы, во время войнь учащіеся духовно-учебныхъ заведеній и очень подолгу пр живаютъ по домамъ, такъ какъ ученье происходитъ съ бол шими перерывами. Живя дома и присматриваясь къ окружа ющей обстановкѣ, учащіеся, будущіе кандидаты въ пастыр видѣли и видятъ тяжесть условій пастырской дѣятельност видятъ и дурныя матеріальныя и правовыя условія, въ ко торыхъ живутъ ихъ отцы, ихъ родные. А въ текущем году, почти съ момента начала революціи, учащіеся прожи ваютъ въ домахъ родителей. И это по всѣмъ епархіямъ.

Теперь учащіеся, живя по домамъ въ теченіе всего ре волюціоннаго періода, вполнѣ насмотрѣлись на условія жизн и дѣятельности своихъ отцовъ и своихъ родныхъ. Они видѣли, какъ дурно въ матеріальномъ отношеніи живется духовенству въ деревнѣ, видѣли отчужденіе, а иногда вражду и даже ненависть прихожанъ къ клиру, видѣли и читали глумленія и издѣвательства надъ духовенствомъ и религіей, видѣли, слышали, а, можетъ быть, нѣкоторые и пережили отнятіе у духовенства земель, изгнаніе изъ общественныхъ домовъ, введеніе таксъ и, наконецъ, изгнаніе изъ пр[illegible]довъ, видѣли, наконецъ, общую растерянность духовенства, т. е. всѣ темныя, отрицательныя стороны жизни духовенства, но не видѣли свѣтлыхъ сторонъ его жизни и дѣятельности, потому что ихъ такъ мало! Что же теперь можетъ привлечь къ службѣ Церкви этихъ будущихъ кандидатовъ на пастырскія мѣста? Ничто, или очень немногое, тогда какъ очень многое, несомнѣнно, будетъ ихъ отталкивать отъ пастырства. И если до революціи немногіе шли въ пастыри изъ оканчи-

ющихъ курсъ духовний школы, въ лучшемъ случаѣ не лѣе 50°/о, то теперь не пойдутъ и они, пойдутъ лишь иницы. Въ будущіе пастырскіе институты изъ окончивихъ курсъ среднихъ учебныхъ заведеній пойдутъ тоже немогіе: немногимъ будетъ охота учиться *три* года въ инстиутѣ, когда въ эти три года можно почти окончить курсъ ь университетѣ, а главное—что привлечетъ ихъ въ институты? Высота пастырскаго служенія, ими пока не сознанная? орошія условія жизни священника? Очевидно, Церкви придется считаться съ тѣмъ фактомъ, что и теперь и въ будуемъ число достаточно образованныхъ кандидатовъ на пастырскія мѣста будетъ становиться все меньше и меньше, число же недостаточно подготовленныхъ пастырей будетъ увеличиваться, какъ оно увеличивается и сейчасъ. На мѣста изгнанныхъ или добровольно ушедшихъ священниковъ поступаютъ часто о. діаконы, въ нѣкоторыхъ случаяхъ виновные въ удаленіи изъ приходовъ священниковъ, на мѣста діаконовъ поступаютъ псаломщики, которые потомъ тоже проходятъ въ священники, хотя не обладаютъ не только недостаточнымъ, но и никакимъ образованіемъ. Съѣзды духовенства и міряиъ въ разныхъ епархіяхъ хотя и сдѣлали рядъ постановленій о томъ, что мѣста священниковъ должны заниматься лицами съ законченнымъ среднимъ и спеціальнымъ образованіемъ, но въ то же время указали рядъ мѣръ, облегчающихъ занятіе этихъ мѣстъ діаконамъ и псаломщикамъ безъ достаточнаго образованія. Напомнимъ хотя бы постановленія Еп. съѣзда Ряз. епархіи. «Всѣхъ достойныхъ о. о. діаконовъ возвести въ санъ священника, разъ о. о. діаконы безпорочно прослужили въ своемъ санѣ 15 лѣтъ; псаломщиковъ возвести въ санъ діакона послѣ 10-лѣтней безпорочной службы». Такимъ образомъ, фактически и малограмотному человѣку открывается возможность попасть въ пастыри. А міряне и

теперь, забывъ выработанную народомъ пословицу: „не уча въ попы не ставятъ“, готовы посадить на пастырскія мѣста кого угодно, только чтобъ пастырь этотъ довольствовался меньшимъ, а еще лучше—нищенскимъ содержаніемъ отъ прихода. Да и ставятъ!

Въ этомъ постановленіи на пастырскія мѣста людей недостаточно подготовленныхъ кроется большая опасность для Церкви. Если и теперь совершенно необходимо, чтобъ пастырь обладалъ не только полнымъ богословскимъ образованіемъ, но и достаточнымъ кругозоромъ, позволяющимъ ему видѣть и оцѣнивать явленія, совершающіяся за предѣлами его прихода, то въ будущемъ эти качества становятся еще нужнѣе. Паству въ нѣдрахъ Церкви можно будетъ удерживать силой слова, убѣжденія, личнаго примѣра жизни, а не полицейскаго воздѣйствія; съ антихристіанскими вліяніями, которыя уже хлынули широкой волной въ деревню, можно будетъ бороться только общимъ и спеціальнымъ образованіемъ; руководить приходомъ по многимъ и сложнымъ дѣламъ возможно будетъ только образованному человѣку. Нужны будутъ, словомъ, пастыри—врачи, а не пастыри—фельдшера. А теперь все дѣло клонится къ тому, чтобъ вездѣ насажать пастырей—фельдшеровъ. И этотъ фельдшеризмъ пастырства—одно изъ самыхъ тяжелыхъ и опасныхъ явленій современнаго положенія духовенства Православной Церкви.

X.

Служителямъ слова.

„Довольно словъ!“ „Меньше словъ, больше дѣла!“—вотъ то послѣднее слово, къ которому пришло большинство русскихъ людей, изстрадавшихся отъ тяжестей войны и внут-

ренней разрухи. Тысячи совѣщаній, милліоны рѣчей, сотни обязательныхъ постановленій, безконечная цѣпь увѣщаній и призывовъ. И все—напрасно. Быстрыми шагами разложеніе государственнаго организма идетъ впередъ. Партійная рознь дѣлаетъ свое разрушительное дѣло.—Слѣпую, бушующую силу учили и продолжаютъ учить только ненависти. Учатъ ненавидѣть, не остановившись ни на минуту надъ вопросомъ, не надо-ли толкомъ разъяснить толпѣ хотя-бы то, кого именно и за что можно порицать.—Углубляютъ у насъ революцію, углубляютъ взаимную рознь въ цѣляхъ укрѣпленія революціоннаго строя, берутъ подъ подозрѣніе и убираютъ съ дороги все, что кажется носящимъ въ себѣ признаки приверженности къ старому строю.—И что изъ этого получается? „Таетъ та тоненькая корочка культуры, которую съ такимъ трудомъ насаждали цѣлыя русскія поколѣнія". Исчезаютъ съ лица земли культурныя хозяйства, сводятъ начисто старые лѣса, вырубаютъ сады, гибнетъ безсмысленно породистый скотъ, раздираются въ клочья старыя картины, корчатся на кострахъ лучшія русскія книги и цѣлыя огромныя библіотеки. Сотни тысячъ пудовъ хлѣба, склады хозяйственныхъ предметовъ, оборудованныя предпріятія уничтожаются, расхищаются, гибнутъ. Населеніе гибнетъ, дикіе вандалы, во имя торжества свободы, грабятъ и жгутъ продовольственные запасы.—Смутные, темные слухи носятся надъ городами и деревнями, всѣ грозятъ какому-то врагу,—часть населенія спѣшно вооружается. Для чего? Противъ кого? Вопросы остаются безъ отвѣта. Но страшныя, злобныя чувства мутятъ сердце народное. При своей темнотѣ и малой освѣдомленности довѣрчивый простолюдинъ растерялся. Онъ видитъ, что кругомъ дѣло обстоитъ плохо,—мрачно смотритъ онъ и дико озирается, ища виновниковъ разрухи,—машинально сжимаетъ кулаки, не давая себѣ отчета, на кого и за что... Зарево начавших-

ся пожаровъ, кровь, пролитая при разгромахъ, въ конецъ звѣрятъ деревню. Голодающій городъ смотритъ на деревню, не дающую ему съѣстныхъ припасовъ, и открыто грозитъ разгромомъ.. Столкновеніе уже начинается.—Всюду попрано право, забыта честь, правда, честность. Захватъ царитъ полноправно. Все, что вѣками строилось, охвачено огнемъ и сгораетъ,—горитъ самое лучшее достояніе—совѣсть народная, горитъ уваженіе къ себѣ, любовь къ отчизнѣ, горитъ послѣдняя надежда на спасеніе родины.

А дикій, кровожадный коршунъ продолжаетъ свое могильно-глухое карканье: „углубляйте рознь". И, чтобы не дать народу вдуматься въ дѣйствительное положеніе вещей, обольщаетъ его заманчивыми видами будущаго. „Какъ барышники на конской ярмаркѣ, демагоги вьются вокругъ слѣпого народа и все обѣщаютъ, обѣщаютъ, и безъ конца обѣщаютъ. Каждый день цѣлыми ушатами вливаютъ они ненависть и злобу въ душу народную". Даже въ печати стало можно открыто проповѣдывать убійство, подстрекать къ поджогамъ, защищать измѣну отечеству и призывать къ гражданской войнѣ. Идея безнаказанности вскружила слабыя головы. Посулы разожгли аппетиты,—и кто не опускался до разгрома и грабительскаго захвата, тотъ пустился спекулировать и играть на повышеніе цѣнъ на предметы даже первой необходимости: измышленія сказочниковъ кажутся наивнымъ лепетомъ предъ тѣмъ, что разсказываетъ наша современность цифровыми данными о повышеніи цѣнъ на предметы потребленія.

Всюду разложеніе, нѣтъ у насъ власти, нѣтъ арміи, нѣтъ закона, разстроено все, что могло-бы поддерживать первоосновы гражданскаго быта... И слѣпая страна бредетъ по самому краю пропасти, вступая при томъ въ полосу кровавыхъ тумановъ.

При такихъ условіяхъ какъ не закричать: „Довольно словъ! Словъ не тратьте попустому, гдѣ нужно власть употребить".

Довольно словъ! Да, для правительства пришелъ моментъ, когда этотъ выкрикъ народнаго сознанія является безусловнымъ требованіемъ.

Но этотъ-же моментъ предъявляетъ другое требованіе и какъ разъ обратное, по отношенію къ руководителямъ духовнымъ.—Дайте ваше слово народу, разгоняйте туманъ, искусственно навѣянный на народную душу. Возвысьте вашъ голосъ безбоязненно и строго, чтобы въ немъ звучалъ голосъ истины церковной, голосъ правды Христовой. Народной душѣ въ настоящій моментъ этотъ голосъ болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимъ. Зарвавшіеся въ самовластіи видятъ уже, что зашли куда-то очень далеко. Въ туманѣ множества словъ и обѣщаній плохо разбираются они въ настоящемъ и еще менѣе уясняютъ будущее: въ массѣ народной больше растерянности, чѣмъ увѣренности. Ясно, что долженъ наступить переломъ въ сознаніи толпы. Она, останавливаясь, принимаетъ (мѣстами уже открыто) выжидательное положеніе. Изступленію и безумству расходившихся страстей всегда приходитъ конецъ. Отрезвленіе должно начаться. Въ такую минуту и нужно вѣское убѣдительное слово духовнаго руководителя. Раскрыть глаза на бездну грѣховную, въ которую опускается народъ, ввести его въ сознаніе и объяснить ту отвѣтственность передъ Богомъ и родиной за все, что онъ самовольно и преступно чинитъ, показать гнусность увлеченныхъ на преступную дорогу и при свѣтѣ Христовой истины призвать къ благоразумію, къ покаянію, къ молитвѣ,—вотъ задача пастырскаго слова. Дайте, братья, народу это слово.

Это трудно, это сложно, и не безопасно. Но, братъ, какъ бы мрачно, грустно и пасмурно ни было вокругъ тебя,

какъ бы тяжело и одиноко ты себя ни чувствовалъ, взгляни на положеніе дѣлъ прямыми глазами, сознай свое положеніе, свой долгъ, свое назначеніе, и легко увидишь, что можетъ сдѣлать твоя энергія, проручествованная силою Духа Божія. Сознай.., и энергія воскреснетъ. Пусть поддержитъ тебя здѣсь и голосъ опыта изъ далей минувшаго.

Вотъ голосъ старца-духовника къ духовному сыну: „Всякому сѣятелю на нивѣ духовной отводится небольшая полоса. Взрыхли, сѣй, наблюдай, охраняй,—вотъ твое дѣло Нива духовная. Когда свѣтло и тепло, когда все ясно, мирно и тихо,—у тебя—полдѣла: ты легко идешь, и радуешься видя, какъ все растетъ, зеленѣетъ и цвѣтетъ,-все дѣлается само собой и какъ-бы безъ тебя. Но гдѣ сгустилась тьма гдѣ переплелись пути, гдѣ утрачена душой тропа прямая, сюда спѣши, не жди ни зова, ни мольбы, зажги огонь и освѣти дорогу. Не велика площадь, которая должна тебя услышать, и сдѣлай здѣсь ты все, что въ силахъ. Въ малости вѣренъ будь. Распни себя долгу, тогда оживетъ твое слово и не умретъ твое дѣло“.

Грозенъ «девятый валъ», нами переживаемый, Но вѣдь, не для тихой пристани ставится на кораблѣ кормчій... Грозныхъ «валовъ» исторія знаетъ много,—но она знаетъ и то, какъ въ прахъ разбивались они о твердыню человѣческаго духа, осѣненнаго силою Небесной. Подъ сильнымъ словомъ и мощною вѣрой богатырей духа оживали пустыни и дебри человѣческой души. Не, бойся братъ, трудовъ, забудь свои страданья. Не отступай передъ грозой. Иди, не падая душой, своей тернистой тропой. Буди уснувшихъ въ мглѣ глубокой, упавшимъ руку подавай, и слово истины высокой въ толпу, какъ лучъ живой, бросай!

И слово можетъ быть широко и разносторонне, какъ широка, глубока и многогранна сама жизнь и душа человѣка.

Ради Бога, не оставляй святого дѣла, продолжилъ рѣчь словами Гоголя. Перечитывай строго Библію, набирайся уроковъ старины и, при свѣтѣ ихъ, приглядись къ нынѣшнему времени. Много—много предстоитъ тебѣ предметовъ.. Сила тебѣ дана большая, способная взрывать камни и ворочатъ утесы. Вокругъ тебя—все предметы слова. Куда ни поворотишься, ты видишь, что нужно освѣжить кого-нибудь, или попрекнутъ. Попрекни-же прежде всего богатыхъ умомъ, но унывшихъ людей. Проймешь ихъ, если покажешь имъ дѣло въ настоящемъ видѣ, т. е. что человѣкъ, предавшійся унынію, печаль во всѣхъ отношеніяхъ и, каковы-бы ни были причины унынія, уныніе проклято Богомъ. Истинно-русскаго человѣка поведешь на брань даже противъ унынія, поднимешь превыше страха и колебанія земли... Воззови къ его прекрасному, но дремлющему человѣку. Брось ему съ берега доску и закричи во весь голосъ, чтобы спасалъ онъ свою бѣдную душу. Онъ, м. б., уже далеко отъ берега, уже несетъ и несетъ его вдаль, въ пучину, несутъ его пышные обѣды и сонное опьяненіе, нечувствительно облекается онъ плотью.., и уже становится весь—плоть. Завопи воплемъ, выставь предъ нимъ вѣдьму—старость и смерть... Опозорь въ гнѣвномъ дифирамбѣ новѣйшаго лихоимца, его проклятую алчность, презрѣнный порогъ его богатаго дома и гнусный воздухъ, которымъ тамъ дышатъ, чтобы отъ него, какъ отъ чумы, бѣжало все бѣгомъ и безъ оглядки.—Возвеличь въ торжественномъ гимнѣ незамѣтнаго труженика, который—къ чести породы русской—находится посреди отважнѣйшихъ взяточниковъ и мародеровъ. Возвеличь его прекрасную бѣдность, и такъ сдѣлай это, чтобы она, какъ святыня, засіяла у всѣхъ на глазахъ...—Ублажи словами гимна того исполина, который не разъ выходилъ изъ русской земли, который вдругъ пробуждается отъ позорнаго сна и становится совсѣмъ другимъ: плюнувши на виду всѣхъ

на свою мерзость и гнуснѣйшіе пороки, становится первымъ работникомъ добра.—Покажи, какъ совершается это богатырское дѣло, и покажи такъ, чтобы невольно затрепетала въ каждомъ русская природа, и чтобы все, даже въ грубомъ и низшемъ сословіи, вскрикнуло: Эхъ, молодецъ!—чтобы почувствовалъ всякій, что и для него такое дѣло возможно.— Много и другихъ предметовъ... Христіанскія чувства и чувство національное глохнутъ. Дремлетъ наша удаль, дремлетъ рѣшимость и отвага на дѣло... Стряхни же, братъ, сонъ съ очей своихъ и порази сонъ другихъ. Всѣ на колѣни предъ Богомъ. И ты... Проси у Него гнѣва и любви. Гнѣва—противъ того, что губитъ человѣка,—любви—къ бѣдной душѣ человѣка, которую губитъ онъ самъ и которую губятъ всѣ кругомъ. Найдешь въ себѣ гнѣвъ и любовь, найдешь и слова. Найдутся и выраженія. Огни, а не слова излетятъ отъ тебя, какъ отъ древнихъ пророковъ, если только, подобно имъ, сдѣлаешь это дѣло роднымъ и кровнымъ своимъ дѣломъ,— если только, подобно имъ, посыпавъ пепломъ голову, рыданіемъ вымолишь себѣ у Бога на то силу, и такъ возлюбишь спасеніе земли своей, какъ возлюбили они спасеніе своего народа“.

И много другихъ увѣщаній, завѣщанныхъ и оставленныхъ намъ временемъ минувшимъ, можно-бы было привести. Но не довольно-ли и сказаннаго, когда положеніе дѣлъ нашихъ говоритъ само за себя. Когда всѣмъ ясно, что не днями, а часами растутъ взаимные страхи, взаимныя подозрѣнія и взаимная злоба, когда „тяжело становится жить не только политически и экономически, но и психологически“,- когда духовное одичаніе и озвѣрѣніе доходитъ до того, что изъ революціонной свободы можетъ выродиться омерзительное чудовище въ формѣ небывалой еще въ мірѣ кровавой взаимной рѣзни,—какъ не признать неотложной нуждой—ука-

ать, кому слѣдуетъ, что „за революціей необходимо помнить хранить человѣка, достоинство человѣка, блюсти красоту еловѣческой личности“. Поэтому не встаетъ-ли настойчивая ужда и провѣрить и повторить наши революціонныя настроенія, освѣжить ихъ струей здоровой, трезвой мысли. А кромѣ ого, у насъ взаимныя политическія и соціальныя отношенія е отлились еще окончательно. Они еще въ горнилѣ. И неужели кому неясно, что долгъ всякаго, любящаго родину, сякаго, не утратившаго сознанія права и правды, выяснить озможно шире темнымъ массамъ положеніе дѣлъ, уяснить мъ и себѣ неизбѣжность водворенія и дальнѣйшаго роста ачалъ свободы, равенства и братства, и не путемъ запуганія, а путемъ сговора, соглашенія, путемъ взаимныхъ ступокъ.—Служителямъ-ли слова молчать при такихъ обстоятельствахъ.

Не медлите, братья! Дѣло не терпитъ отлагательства.

«Моск. Цер. Голосъ.» Свящ. **Н. Орловъ.**

Новое рабство для духовенства. *)

Всякій, отдававшій ранѣе всѣ свои силы для завоеванія вободы, теперь глубоко пораженъ происходящимъ вокругъ. вобода пришла на Русь не лучезарною и святою, мечтами которой скрашивалась мрачная тюремная жизнь лучшихъ ыновъ Россіи, а въ стихійномъ произволѣ, дикомъ разгулѣ трастей вчерашнихъ рабовъ, въ чудовищномъ размахѣ партійнаго эгоизма. Еще не такъ давно вся Русь горѣла благо-

*) *Примѣчаніе.* Не раздѣляя мыслей автора по существу дѣла ед. Комитетъ даетъ мѣсто статьѣ, желая вызвать обмѣнъ нѣній по данному вопросу.

роднымъ негодованіемъ по поводу предательскихъ дѣйствій со стороны лицъ стараго правительства. А вотъ теперь предательская германофильская пропаганда слышится отовсюду изъ устъ русскаго народа и совершается открыто. Еще недавно русскіе люди колѣнопреклоненно молили Господа объ избавленіи родины отъ бѣдъ, постигшихъ ее за грѣхи ея сыновъ. А теперь—храмы часто пустуютъ, священники изгоняются и даже мощи св. угодниковъ Божіихъ подвергаются кощунственному поруганію забывшейся, потерявшей разумъ толпы.

Вся радость освобожденія, вся надежда на то, что наконецъ, настала та свѣтлая пора, когда каждый можетъ свободно работать на пользу родины, для которой съ добытої свободой открылись перспективы необъятныхъ возможностей—блекнетъ, переходитъ въ жуткую тревогу, почти отчаяніе что все погибнетъ, что надъ изстрадавшейся родиной вновь нависнутъ черныя тучи, настанетъ рядъ еще болѣе тяжелыхъ безпросвѣтныхъ дней, дней рабства, гнета, насилія и, можетъ быть, даже не отечественнаго, а иноземнаго.

Въ такую то тяжелую минуту пастырю приходится воздѣйствовать на сыновъ Россіи въ маленькой ячейкѣ русскаго общества—приходѣ. Нелегкое это дѣло! Въ обычное то время возможно было воздѣйствовать на приходъ только при условіи полной независимости отъ него пастыря. А теперь, та зависимость, которая мѣшала свободной дѣятельности пастыря, еще и усугубилась введеніемъ въ приходскую жизнь выборнаго начала. Этимъ выборнымъ началомъ, какъ показала жизнь, пастыри отдаются на полнѣйшій произволъ прихода, разложившагося благодаря тлетворнымъ, всюду проникающимъ вѣяніямъ большевизма,—того прихода, который еще и вообще не доросъ, не доразвился умственно, чтобы давать справедливую

оцѣнку истинному и существенному труду пастыря,—того прихода, который самъ не можетъ столковаться въ самыхъ маловажныхъ вопросахъ и предметахъ, и всякое общественное собраніе коего ознаменовывается неистовымъ крикомъ, площадною бранью и безсмысленными приговорами.

Обычно въ защиту выборнаго начала приводятъ примѣры древнихъ временъ,—и ученые профессора и канонисты роются по всѣмъ документамъ, чтобы только доказать основательность выбора мірянами своихъ пастырей, забывая, что кромѣ закона Христова все въ мірѣ измѣнчиво и непрочно, что нынѣшняя община христіанская такъ же далека отъ прежней, древней общины, какъ небо отъ земли, что Христосъ, избирая себѣ апостоловъ, не спрашивалъ у общины, своихъ послѣдователей, брать ли Ему въ апостолы Андрея, Петра, Нафанаила, или кого либо другого, что въ древней христіанской общинѣ (русской), какъ показываетъ, напримѣръ, исторія великаго Новгорода, съ выборнымъ началомъ обстояло далеко не все благополучно, что, наконецъ, сами профессора и канонисты согласны кой что зачеркнуть изъ древнихъ каноновъ, какъ устарѣвшихъ для духа времени. Въ сущности въ древнее время выборное начало являлось не правомъ прихода, а его нуждой. У епископовъ стараго времени не было подъ рукою кандидатовъ на праздныя мѣста священниковъ, за отсутствіемъ учебныхъ заведеній, подготовляющихъ ихъ. Актъ избранія и назначенія не относится къ канонамъ: и то или иное отъ начала христіанства примѣнялось по указанію жизни. А указанія и требованія жизни прогрессируютъ какъ въ государственной, такъ и церковной сферѣ. Самъ защитникъ и первый проводникъ выборовъ духовенства—Андрей, епископъ Уфимскій, не отвергаетъ этого положенія, говоря убѣжденно: «Избраніе викарія должно быть только избраніемъ со стороны епархіаль-

наго архіерея, этого требуетъ польза церковнаго дѣла» (В. Ц. О. В. № 57). Не что иное, а та же польза церковнаго дѣла требуетъ отмѣны выборнаго начала въ приходѣ, иначе Церковь лишится образованныхъ кандидатовъ въ пастыри.

Наконецъ, если ужъ такъ кому—то нравится рабство и подневольное состояніе духовенства и для этого воскрешаютъ древность, такъ что же мѣшаетъ въ этомъ направленіи итти еще далѣе, къ болѣе древнѣйшимъ временамъ. Правда, что „законная сѣнь прейде", но отъ подзаконнаго времени кой что взято и для христіанской Церкви, а мы, вѣдь, знаемъ, что въ подзаконное время не народъ избиралъ Аарона и сыновей его священнодѣйствовать Богу, а Самъ Богъ.

Было бы добро, если бы безъ уважительныхъ причинъ прихожане не удаляли своихъ пастырей. Дѣйствительность не даетъ намъ для такихъ надеждъ никакихъ основаній. Наоборотъ, достаточно не угодить одному прихожанину, какъ онъ можетъ поднять цѣлую бурю, а результатъ ея всегда извѣстенъ—*долой попа*. А кого выбирать? Конечно, того, кто поугодливѣй, да беретъ подешевле, а достоинство нравственное—пустое дѣло. „Я живу, пишетъ одинъ священникъ, въ приходѣ болѣе 40 лѣтъ на одномъ и томъ же мѣстѣ по рукоположеніи. Тѣмъ не менѣе, когда вокругъ и около принялись прихожане за изгнаніе своихъ священниковъ, и въ моемъ приходѣ на сходѣ поднятъ былъ вопросъ: „какъ быть съ нашимъ батюшкой?" „Батюшка хорошъ", послѣдовалъ голосъ толпы въ отвѣтъ. „Хорошъ то онъ хорошъ исполненіемъ своихъ требъ, но свой трудъ цѣнитъ не по нашему", возразили нѣкоторые изъ толпы,—„надо ему дать таксу". И вотъ былъ составленъ приговоръ съ таксою въ немъ: за причастіе больного на дому—обоимъ съ псаломщикомъ 20 к.,

за похороны и исполненіе духовныхъ обрядовъ на дому—на мѣстѣ, не считаясь съ разстояніемъ—1 р., за проводъ изъ дому въ церковь и на кладбище, гдѣ и запечатать—3 р., за крещеніе 25 коп., хлѣбъ и платокъ, браковѣнчаніе 2 р., за метрику 50 коп. Всего получается въ годъ по сей таксѣ, добавляетъ священникъ, на 2-хъ священниковъ и псаломщика до 100 р. Комментаріи излишни. Въ приговорѣ было добавлено про священника: „будетъ брать по таксѣ—пусть живетъ, не будетъ—пусть съ Богомъ уходитъ".

Возможно ли тутъ увѣщевать, обличать, запрещать, по долгу пастырской совѣсти? У прихожанъ помимо всего создается такое мнѣніе относительно избраннаго, что ужъ если они избрали, предпочли предъ другими, дали кусокъ хлѣба,- словомъ—„облагодѣтельствовали", то избранный священникъ долженъ всѣмъ и каждому угождать, избѣгая нанесенія малѣйшей непріятности въ чемъ бы то ни было. Не нужно забывать сказаннаго искушеннымъ опытомъ Соломономъ: „обличи премудраго—и возлюбитъ тя, а обличи безумнаго (невѣжду), возненавидитъ тя; а премудростью простецы—прихожане не могутъ похвалиться.

Словомъ, опытъ, по нашему мнѣнію, ясно показалъ, что съ выборнымъ началомъ дано духовенству новое рабство, въ которое, можно быть увѣреннымъ, не только за гроши, но и за хорошее обезпеченіе порядочный кандидатъ священства не пойдетъ. Старые псаломщики и о. о. діаконы, конечно, быть можетъ, польстятся на санъ, потому что имъ уже дѣваться некуда. А прошедшій блестяще гимназію, а затѣмъ и богословскій институтъ съ полуакадемическимъ курсомъ захочетъ ли мыкаться по празднымъ приходамъ за приговоромъ, съ трудомъ и униженіемъ добываемымъ и сулящимъ въ будущемъ нищету ему и его семейству?!...

Ал. Бѣляевъ.

Прежде и теперь.

(Къ вопросу о раскрѣпощенiи духовенства).

Безотрадно было положенiе священника въ приходѣ при старыхъ порядкахъ; не улучшилось оно и теперь, при новомъ строѣ, въ новомъ нѣсколько реформированномъ приходѣ. Какъ прежде онъ не могъ, что называется, дыхнуть свободно безъ разрѣшенiя начальства и прихода, такъ и теперь. Можно сказать даже, что въ этомъ отношенiи положенiе священника въ приходѣ въ настоящее время даже ухудшилось. Въ самомъ дѣлѣ, при разрѣшенiи вопроса о реформѣ прихода обращено главное вниманiе на предоставленiе мiрянамъ права активнаго участiя въ жизни и дѣятельности прихода, какъ извѣстной церковной единицы, котораго доселѣ они были лишены или, во всякомъ случаѣ, такое право было крайне ничтожнымъ. Выходя изъ такого положенiя, Св. Синодъ въ рядѣ своихъ недавнихъ опредѣленiй, различные епархiальные съѣзды, въ томъ числѣ и нашъ Донской Епархiальный Съѣздъ, бывшiй въ апрѣлѣ мѣсяцѣ сего года, вынесли постановленiя о предоставленiи прихожанамъ прежде всего права избранiя себѣ членовъ клира: священника, дiакона и псаломщика, затѣмъ права завѣдыванiя хозяйствомъ и распоряженiя церковною кассою чрезъ посредство избраннаго приходомъ Приходскаго Совѣта, права созыва приходскихъ собранiй для обсужденiя приходскихъ дѣлъ. Но въ заботахъ о предоставленiи различныхъ правъ мiрянамъ въ устроенiи приходской жизни забыто главное дѣйствующее лицо въ приходѣ-приходскiй священникъ. Правда, за нимъ, повидимому, остается право общаго руководства приходомъ и всѣми органами его и учрежденiями. Но какой прокъ изъ этого права, если оно не можетъ быть осуществлено въ условiяхъ новой приходской жизни, если это право надлежащимъ образомъ,-съ соотвѣтствующею ясностью и полнотою, не регламентировано ни Св. Синодомъ, ни постановленiями Съѣздовъ. По крайней мѣрѣ, остается совершенно не выясненнымъ вопросъ: что же такое представляетъ изъ себя священникъ въ реформирован-

номъ приходѣ,-кто онъ такой, есть-ли дѣйствительно онъ въ приходской общинѣ свободно дѣйствующій правомочный посланникъ Христовъ, которому всѣ члены общины должны добровольно не за страхъ, а за совѣсть повиноваться, или же онъ есть просто наемникъ, избранный приходомъ, обязанный дѣйствовать въ прохожденіи возложеннаго на него Богомъ пастырскаго служенія по указанію прихода, сообразуясь съ его взглядами, желаніями и вкусами? Вѣдь до послѣдняго времени положеніе священника въ приходѣ было тягостнымъ отъ того главнымъ образомъ, что онъ чувствовалъ полную свою зависимость отъ прихожанъ. Хотя прихожане и не принимали близкаго активнаго участія въ церковной жизни прихода, тѣмъ не менѣе въ отношеніи къ священнику они считали себя въ правѣ дѣйствовать такъ, какъ имъ хотѣлось, не считаясь съ его іерархическимъ положеніемъ и особымъ значеніемъ въ приходской церковной общинѣ. Поэтому нерѣдко бывали случаи, когда проявленіе истинной ревности пастыря о спасеніи ввѣренной ему Богомъ паствы, слово, сказанное со властію, соединенное съ обличеніемъ или запрещеніемъ, мѣры, принимаемыя къ благоустройству приходской жизни, вызывали негодованія, жалобы по начальству съ ходатайствами объ удаленіи такого священника изъ прихода. Священникъ никогда не чувствовалъ себя въ полномъ смыслѣ пастыремъ ввѣренной ему Богомъ общины, который можетъ свободно по праву, предоставленному ему свыше, повинуясь лишь голосу своей пастырской совѣсти, проходить свое великое служеніе,-никогда не имѣлъ въ себѣ сознанія величія той по истинѣ царственной власти,-которою онъ облеченъ. Онъ всегда былъ стѣсненъ въ проявленіи своей собственной инціативы въ своей дѣятельности, такъ какъ всегда чувствовалъ висѣвшій надъ собою Дамокловъ мечъ-съ одной стороны въ лицѣ прихожанъ, нерѣдко грубыхъ и невѣжественныхъ, по своему понимающихъ пастырское служеніе и желавшихъ бы видѣть въ своемъ пастырѣ—человѣка покладистаго, ласкательнаго, льстящаго ихъ слуху, легко покрывающаго ихъ душевныя язвы, съ другой-въ лицѣ епархіальнаго начальства всѣхъ наименованій, постоянно напоминаю-

щаго ему о необходимости умѣть ладить съ прихожанами и не подавать никакого повода къ жалобамъ на себя. Въ реформированномъ приходѣ священникъ остается все такимъ же безправнымъ, беззащитнымъ, лишеннымъ свободы, столь необходимой для плодотворной пастырской дѣятельности. Личность священника, его честь и достоинство остаются попрежнему неогражденными отъ всякихъ инсинуацій, кляузъ и оскорбленій. Міряне же, получивъ извѣстныя права, почувствовали себя господами въ приходѣ, не признавая въ то же время за собою никакихъ обязанностей въ отношеніи къ своему приходскому пастырю, какъ духовному наставнику, и не сознавая никакой отвѣтственности за свои антицерковныя дѣянія передъ Церковью. А между тѣмъ по идеѣ церковной соборности, на основахъ коей должна быть произведена церковная реформа, священникъ есть душа приходской общины. Онъ центръ и источное начало жизни общины, какъ отдѣльной церковной ячейки въ цѣломъ организмѣ Церкви. Община все получаетъ отъ него: и ученіе, и вѣру, и благодать Божію, преподаваемую въ таинствахъ, и уже въ силу этого она должна находиться въ отношеніи къ священнику въ извѣстномъ добровольномъ повиновеніи. Если этого нѣтъ, то нельзя говорить и о приходѣ, какъ о церковной общинѣ-части великаго цѣлаго-Церкви Христовой. Въ церковной общинѣ пастырь долженъ занимать подобающее ему мѣсто; онъ долженъ быть тѣмъ-же среди ввѣренной ему общины, чѣмъ былъ Христосъ или Апостолы среди своихъ учениковъ. И отъ него не должно быть отнимаемо право дѣйствовать въ приходской общинѣ во имя даннаго ему свыше полномочія свободно и со властію, но не принудительно, лишь бы эта власть сообразовалась съ волею Божіей, какъ Христосъ сообразовался съ волею Отца Небеснаго. Но отсюда вовсе не слѣдуетъ, какъ нѣкоторые могутъ подумать, что этимъ попираются права мірянъ. Развѣ апостолъ Павелъ, защищая свой апостольскій авторитетъ, покушался на права и свободу основанныхъ имъ общинъ? Нисколько. Свобода и права мірянъ оставались и уважались Апостоломъ и нынѣ должны оставаться и уважаться пасты-

рями. Но все-же организующимъ центромъ, направляющимъ все къ одной цѣли-спасенію душъ остается священникъ, какъ въ древне-христіанской общинѣ тотъ или другой Апостолъ. Но безъ относительной свободы и самостоятельности священника въ приходѣ не мыслима и истинно-апостольская плодотворная дѣятельность его въ обновленномъ приходѣ. Если созываемый Церковный Соборъ не измѣнитъ настоящаго положенія, если священникъ останется все въ томъ же зависимомъ, приниженномъ рабскомъ положеніи среди ввѣренной ему паствы и въ новомъ реформированномъ приходѣ, то никакого обновленія приходской жизни ожидать невозможно, самая приходская реформа останется лишь мертвою буквой

«Дон. Хр. Мысль.» **Протоіерей В. Кожинъ.**

Зовите мірянъ на проповѣдь.

(*Открытое письмо епископа*).

Когда я пріѣхалъ въ Уфу, то тамъ засталъ благочестивый обычай среди духовенства: писать очередныя проповѣди и чрезъ цензора представлять мнѣ ихъ на просмотръ, чтобы потомъ произнести эти свои «поученія» въ Каѳедральномъ Соборѣ. Я читалъ эти проповѣди до тѣхъ поръ, пока меня почти физически не затошнило. Такія онѣ всѣ были монотонныя, такія не интересныя, скучныя...

Я тогда попросилъ уфимскихъ батюшекъ говоритъ свои проповѣди безъ предварительнаго ихъ писанія. Сначала подобное новшество не понравилось, и многіе боялись обнаружить свое ораторское искусство; а потомъ случилось совсѣмъ неожиданное происшествіе: проповѣди стали у всѣхъ одушевленныя, интересныя и въ своей простотѣ очень назидательныя. Такъ наша дряблость и застарѣлыя привычки часто

у насъ вредятъ дѣлу, лишаютъ святую Церковь нужныхъ ей дѣятелей.

Теперь нужно еще новшество и очень серьезное; нужно звать мірянъ на церковную каѳедру. Въ Петроградѣ я познакомился съ такими благочестивыми мірянами изъ рабочихъ, съ такими преданными слугами Церкви, что не пустить ихъ на церковное дѣяніе—это явный грѣхъ. Поэтому я совѣтовалъ бы всѣмъ батюшкамъ, настоятелямъ храмовъ, окружить себя благочестивыми мірянами, образовать изъ нихъ «кружки благовѣстниковъ» и среди нихъ распредѣлить проповѣдь слова Божія въ приходѣ. За литургіею во время запричастнаго стиха можетъ говорить одинъ, наиболѣе достойный довѣрія и его заслужившій среди прихожанъ. Къ этой церковной проповѣди на первое время нужна подготовка.—А въ деревняхъ необходимо имѣть людей просто церковныхъ, которые могли бы сколько нибудь разумно читать Св. Евангеліе и святоотеческія писанія. Къ этому святому дѣлу можно привлечь и женщинъ.

Такимъ способомъ сформируются православно-христіанскіе кружки, которые и составятъ ядро православнаго прихода.—Но главное въ этомъ новшествѣ должно быть то, что христіанская пропо‹вѣ›дь должна свободно и свято раздаваться во всѣхъ углахъ православной Руси. Теперь столько всякихъ ретивыхъ проповѣдниковъ, столько всякихъ словъ клеветы и не заслуженныхъ оскорбленій слышно со всѣхъ сторонъ по адресу святой Церкви, что пора и церковнымъ дѣятелямъ собрать свои силы и начать живую проповѣдь съ новыми живыми, одушевленными проповѣдниками. Кликните, братіе, имъ кличъ! Соберите вокругъ себя всѣ приходскія силы! Зовите мірянъ на святую проповѣдь, на служеніе слову Божіему.

Андрей, епископъ Уфимскій.

Къ текущему моменту.

1. Страшные дни.

Дни, которые переживаетъ сейчасъ Россія, страшные, роковые дни. Тѣ, кто раньше «углублялъ революцію», кто «прояснялъ и углублялъ классовое сознаніе», кто проповѣдывалъ: миръ на фронтѣ, война въ тылу,—тѣ достигли своихъ цѣлей. На улицахъ Петрограда, Москвы, Кіева, Саратова, Казани и нѣкоторыхъ другихъ городовъ кипитъ или кипѣла недавно братоубійственная война: грохотали пушки, трещали пулеметы и ружья, лилась братская кровь. Снарядами разрушались дома, величайшая святыня Россіи—Московскій Кремль обагренъ кровью, разрушался выстрѣлами. По скуднымъ газетнымъ свѣдѣніямъ, пушечнымъ выстрѣломъ сорванъ крестъ съ Ивана Великаго. Это—символъ. Если людьми сорванъ съ души своей крестъ и затоптанъ въ грязь, зачѣмъ тогда онъ на храмахъ? Люди безъ Бога, безъ Христа, въ грабежахъ и насиліяхъ видящіе свое право, развѣ они нуждаются въ крестѣ?

Раньше въ далекіе города въ тылу привозили больныхъ и раненыхъ съ румынскаго, западнаго или иного фронта, нынѣ везутъ или ожидаютъ раненыхъ съ Московскаго или Петроградскаго «фронта». А тамъ, на дѣйствительномъ фронтѣ либо братанье съ нѣмцами, либо дѣйствительный голодъ.

Въ братоубійственной войнѣ гибнутъ мужчины съ оружіемъ въ рукахъ, гибнутъ ни въ чемъ неповинныя женщины и дѣти. Характерная, тревожная черта: избиваютъ интеллигенцію. Для всѣхъ ясно, что цвѣтъ русской интеллигенціи-ея студенчество сейчасъ въ рядахъ арміи офицерами, учатся въ юнкерскихъ училищахъ. А изъ городовъ приходятъ вѣсти: тамъ погибло столько—то сотъ офицеровъ, тамъ убито 200, 300 юнкеровъ, тамъ—погибли сотни дѣтей въ кадетскихъ

корпусахъ, убитые толпой. Въ Казани и Москвѣ громили университеты, въ Харьковѣ, какъ передаютъ, пушки подвезли прежде всего къ университету и предъявили студентамъ требованіе подчиниться. Кому-неизвѣстно, зачѣмъ-неизвѣстно и почему-тоже неизвѣстно. Если бы избивали интеллигенцію и громили разсадники бѣднаго русскаго просвѣщенія черносотенцы, это было бы еще вполнѣ понятно: это просто значило бы, что они повторяютъ свой излюбленный пріемъ, сводятъ свои счеты со своимъ злѣйшимъ врагомъ—просвѣщеніемъ и носителемъ его—интеллигенціей, которая, какъ оводъ, жалила черную сотню и отравляла ея спокойное существованіе. Если бы тутъ дѣйствовали одни завѣдомые провокаторы, бывшіе герои «охранки», такая дѣятельность ихъ была бы тоже вполнѣ понятна и цѣлесообразна: отнять у темнаго, полубезграмотнаго русскаго народа интеллигенцію это значитъ—осудить его на безпомощность въ дѣлѣ устроенія родины, заставить его въ концѣ концовъ признать власть сильнаго, т. е. фактически лишить свободы. Вѣдь не числомъ въ концѣ концовъ, а умомъ и знаніемъ строится государство, и безъ образованныхъ людей его не выстроишь, а потеряешь. Но во всѣхъ горькихъ и ужасныхъ событіяхъ нашихъ дней, говорятъ, дѣйствовали и руководили движеніемъ не черносотенцы, не охранники, а люди «идейные», дѣйствовавшіе во имя соціализма, большевики. Однако и «идейные» люди должны понимать, что безъ интеллигенціи соціализмъ совершенно неосуществимъ, должны понимать и то, что какъ-никакъ человѣческая личность чего—нибудь да стоитъ и что людей давить, какъ козявокъ, да еще во имя соціализма нельзя.

Дѣло, кажется, обстоитъ проще. Такъ называемые руководители событій сѣяли вѣтеръ, а жнутъ бурю, изъ руководителей движенія они обратились въ жалкія щепки, уноси-

мыя бурнымъ и мутнымъ потокомъ: они уже не могутъ управлять имъ, они могутъ лишь слѣдовать за нимъ, могутъ лишь потакать массамъ. Обычное и совершенно неизбѣжное, въ силу историческихъ законовъ, расхожденіе въ міровоззрѣніяхъ массы и кучки образованныхъ невольно обращается въ антагонизмъ, а у насъ, подъ вліяніемъ рѣчей о классовомъ сознаніи, вылилось въ ненависть народа къ интеллигенціи, несправедливо обобщенной съ „буржуями". Взбо907оломученныя пролетарскія массы большихъ городовъ на глазахъ у десятковъ милліоновъ населенія государства (увы! *бывшаго*) свергаютъ и ставятъ временныя правительства и повторяютъ ту министерскую чехарду, надъ которой мы горько смѣялись при царизмѣ. Та же участь, повидимому, ждетъ и Учредительное Собраніе. Зачѣмъ оно, когда все ясно, когда диктаторъ—пролетаріатъ большихъ городовъ силою оружія можетъ продиктовать свою волю всему русскому народу?

---

2. Тишина великаго страданія.

...Можно ли не любить нашу родину? Можно ли не болѣть за нее сердцемъ? Она такая забитая, измученная и какъ много на ней дымящихся братскою кровью ранъ...

Разбитая, поверженная въ прахъ лежитъ она передъ лицомъ Европы и скорбными очами смотритъ сейчасъ въ темную даль будущаго. Поруганы, въ пыли и прахѣ ея идеалы... Обрѣзаны крылья, которыми она хотѣла взмахнуть, чтобы гордо летѣть туда, гдѣ много свѣта, ласки и тепла...

Зловѣщая тишина, какъ густой пронизывающій туманъ, окуталъ ее, и ждетъ она чего то страшнаго.

Да —страшнаго.

Что же еще можетъ быть страшнаго? Развѣ не пережила она великихъ испытаній? Не видала казней

и истязаній своихъ сыновъ? Развѣ не видала она зарева пожаровъ, кровью окрашивающихъ небо, и жестокой безпощадной братоубійственной рѣзни? Развѣ не слыхала она надорванныхъ стоновъ, проклятій и скорбнаго звона рабскихъ цѣпей?..

Все видѣла она—все перенесла, все перестрадала!

Дни пьянаго кошмара, дни безумной вакханаліи и смертнаго ужаса. .

Что же еще можетъ быть страшнаго теперь? Теперь, когда насъ ничѣмъ не удивишь, ибо нервы наши настолько притупились, что столбцы газетъ, наполненныя описаніями безчисленныхъ ужасовъ, не приводятъ уже насъ въ трепетъ. Мы какъ—то равнодушно скользимъ по нимъ глазами и черезъ двѣ строки забываемъ о прочитаннымъ...

Что же можетъ быть страшнаго?

Но молчитъ загадочно жуткая тишина, какъ будто хранитъ какую—то огромную тайну. И въ этой жуткости родятся смутные страхи передъ чѣмъ то роковымъ и неизбѣжнымъ. Будто великая печаль, огромная міровая скорбь бродитъ по землѣ и поднимаетъ вокругъ себя волны смутныхъ страховъ. Какъ тѣни, бродятъ страданія. Жутко крадутся по землѣ и заползаютъ въ сердца людей...

Можно ли не любить нашу родину? Возможно ли не склониться передъ нею и не сказать словами Раскольникова изъ извѣстнаго романа Достоевскаго:

—Не тебѣ поклоняюсь... страданію твоему поклоняюсь

С. Ремезовъ.

Ветхій храмъ.

Далеко, въ сторонѣ, и отъ желѣзно-дорожныхъ станцій, отъ уѣзднаго города Саранска, и отъ Пензы (130 верстъ) асположено въ лощинѣ при рѣчушкѣ—ключѣ, изобилующей міазмами, небогатое «глухое» сельцо Гартъ.

Здѣсь, въ старину, первые жители воздѣлывали известь оташъ—*гартъ;* это было во 2-й половинѣ восемнадцатаго вѣка. Гартъ—бывшая небольшая „вотчина" помѣщицы села Салмы (Саранск. у.), генеральши Натальи Никол. Мердеръ. Гартовцы—народъ бѣдный и забитый—тѣ-же *«подлиповцы»* (у Рѣшетникова),—многіе ходятъ «по-кусочки»; избы—однѣ лачужки, да притомъ все селеніе недавно сгорѣло. Здѣсь нѣтъ и 300 душъ. Приходъ—самый бѣдный изъ уѣзда, священникъ получить можетъ дохода не больше 150—200 р. въ годъ, церковно-причтовой земли нѣтъ, такъ какъ «свободные» граждане-гартовцы взяли да запахали сами «попову» землю. Домъ у священника никуда не годится—холодный, ›ой и притомъ—старый, а надворныя постройки всѣ разилились. Священники, по этой причинѣ, въ Гартѣ не жи-ъ и чрезъ годикъ—другой ужъ перепрашиваются въ тѣ а, «гдѣ лучше»...

Послѣ *Положенія* генеральша—„крѣпостница", для іи спасенія, подарила подъ церковь своимъ «временнозаннымъ» крестьянамъ съ барскаго гумна ригу—амбаръ; казъ отъ мердерши вышелъ чрезъ бурмистра.

Наскоро, изъ готовыхъ осиновыхъ бревенъ, созижденъ ъ храмъ. И тогда онъ былъ ветхій, такъ какъ рига была не изъ сосноваго или дубоваго дерева. И церковь сдѣи не какъ у людей. Храмы, обыкновенно, строятъ, какъ Строительнымъ Уставомъ велѣно, на каменномъ фунда-

ментѣ, роютъ извѣстной, до материка, глубины канаву, бутъ—*дикарь* известью заливаютъ. Въ Гартѣ и этого нѣтъ —нижніе вѣнцы—бревна лежатъ просто—на—просто на «стульяхъ». Хорошіе дома дѣлаются на каменныхъ фундаментахъ, а въ Гартѣ отъ ветхости верхній ярусъ колокольни разваливается.

Уже одно то обстоятельство, что Пензенское Губернское Правленіе строжайше приказало, въ виду ветхости Гартовскаго храма—разобрать колокольню,—говоритъ за могущее произойти разрушеніе. И дѣйствительно: обветшаніе здѣшняго храма—какъ—никакъ—внушаетъ опасеніе, ибо колокольня, вопреки неоднократнаго распоряженія Епархіал. Начальства и «приказа»—бумаги (чрезъ Саранскій Исполнит. Комитетъ) Губернскаго Правленія,—еще и до настоящаго времени не разобрана.

N.

Изъ текущей печати.

Мысли, навѣянныя ст. П. Миронова.

Наше вниманіе останавила на себѣ статья П. Миронова, помѣщенная въ № 70 «Народной газеты» отъ 21 ября подъ заглавіемъ «Походъ черносотенцевъ».*) Статья вовсе не блещетъ достоинствами, написана по шаблону: *«бѣдная» русская революція въ опасности; такіе-то и такіе—то посягаютъ на нее. Смотрите за ними и прекращайте ихъ зловредную дѣятельность.* Вотъ и всѣ существенныя мысли статьи. Но для насъ важны детали, важно направленіе статьи. *Статья направлена противъ Помѣст-*

*) *Примѣчаніе.* «Народная газета» издается Губернскимъ Земствомъ для народа и, слѣдовательно, на средства народа.

наго Собора и православнаго духовенства. Соборъ, по мнѣнію г. Миронова, черносотенный, состоитъ изъ «враговъ свободы» и «друзей свергнутаго самодержавія». Какія же «преступленія» совершилъ этотъ Соборъ? А вотъ какія. Соборъ обратился къ народу съ воззваніемъ, чтобъ голосовали за тѣхъ кандидатовъ, которые стоятъ за истинныя начала церковности и государственности. По мнѣнію г. Миронова, это значитъ: голосуйте за друзей стараго порядка. Почему? Потому что новый порядокъ невыгоденъ «монастырямъ, попамъ, архіереямъ, консисторіямъ»—они могутъ лишиться привилегій, данныхъ имъ царями. У монастырей огромное количество земель и другія богатства, «собранныя поборами»; «православная черносотенная рать» боится быть лишенной казенныхъ средствъ, будетъ (!) устранена въ церковно-приходскихъ школахъ отъ тлетворнаго вліянія на умъ и душу молодого поколѣнія. А потому интеллигенція деревни, учителя, напримѣръ, должны зорко слѣдить за работою духовенства и, пользуясь соотвѣтственнымъ закономъ,*) привлекать духовенство къ отвѣтственности. Необходима безпощадная борьба съ церковнымъ Соборомъ, выкинувшимъ на своемъ знаніи девизъ: церковность и государственность. Соборъ долженъ быть лишенъ государственныхъ средствъ, которыя ему отпустило временное правительство. Въ этихъ средствахъ нуждается деревня и истинные друзья народнаго просвѣщенія, которые стремятся внести свѣтъ въ темныя массы, но не могутъ этого сдѣлать за отсутствіемъ средствъ.

---

*) *Прим.* Законъ о выборахъ въ Учредительное Собраніе, спеціально направленный противъ духовенства (всякаго), если оно осмѣлится влiять на выборы проповѣдью или увѣщаніемъ, или раздачей листковъ *во время богослуженія или непосредственно послѣ него* въ храмѣ, молельнѣ, за это полагаетъ тюремное заключеніе до 6 мѣсяцевъ.

Въ этой статьѣ и недомысліе, и безцеремонная клевета, и не менѣе безцеремонная ложь, и призывъ народныхъ учителей къ сыску, и вопль «наболѣвшей души»: дайте средства «друзьямъ истиннаго просвѣщенія народа». Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ какъ не простымъ недомысліемъ г. Миронова объяснить такое обвиненіе Собора: Соборъ сдѣлалъ дурно, что своимъ девизомъ призналъ «церковность и государственность». Что же, по мнѣнію Миронова, было бы лучше, цѣлесообразнѣе, достойнѣе Собора, если бы Соборъ призналъ другой девизъ: антицерковность, антигосударственность? Но вѣдь это походило бы на предложеніе кого—нибудь соціалистамъ—революціонерамъ выкинуть на своемъ знамени: земля должна быть отнята у народа! Разъ Соборъ церковный, то онъ и можетъ стоять лишь за церковность и ни за что болѣе. Въ этомъ его обязанность, его призваніе и ничего другого онъ ни пожелатъ, ни сдѣлать не можетъ и не въ правѣ. Соборъ стоитъ за государственность. Кажется, вполнѣ научный, строго установленный терминъ. Тотъ, кто стоитъ за государственность, тотъ желаетъ, чтобъ не было анархіи, чтобъ была власть, чтобъ законъ уважался всѣми и свято соблюдался. Какой законъ, какой порядокъ—это безразлично: призналъ народъ такой то порядокъ или законъ, признало ихъ временное правительство, и слѣдуетъ соблюдать ихъ, а не ломать самовольно, иначе государство развалится, какъ разваливается сейчасъ Россія отъ безконечной массы беззаконій, чинимыхъ ея гражданами. Что же, это непонятно г. Миронову? Что онъ—не доучился или переучился? Но нѣтъ, онъ беретъ на себя роль прозорливца Распутинскаго типа или по меньшей мѣрѣ сыщика временъ царизма: г. Мироновъ полагаетъ, что слова *«церковность и государственность»* Соборъ понимаетъ не такъ, какъ понимать ихъ и можно и должно, а по своему, вотъ какъ именно: *старый порядокъ*.

Значитъ, если напечатано чернымъ по бѣлому *«церковность и государственность»*, нужно читать: *да здравствуетъ старый порядокъ.* Что это—тоже недомысліе или просто клевета? Выразилъ Соборъ въ какихъ либо словахъ и поступкахъ свою приверженность къ старому порядку? Очевидно нѣтъ, потому что если бы что—нибудь подобное было, г. Мироновъ не полѣнился бы указать на факты. Но г. Мироновъ не указываетъ, потому что такихъ фактовъ онъ не знаетъ и такихъ фактовъ нѣтъ. Онъ лишь «догадывается» (изумительная проницательность!), что о. о. и члены Собора *должны быть черносотенцами, должны не любить новый порядокъ*, потому что онъ грозитъ лишить духовенство привиллегій, а церковь средствъ. Ну, а члены то Собора здѣсь при чемъ?

Тамъ, какъ извѣстно, половина мірянъ изъ всякихъ сословій. Какихъ церковныхъ привиллегій ихъ, какъ вѣрующихъ людей, лишаетъ новый порядокъ? Очевидно, никакихъ. Вѣрующій человѣкъ при отдѣленіи церкви отъ государства и не при отдѣленіи все равно будетъ молиться своему Богу, со своимъ священникомъ, лишеннымъ или не лишеннымъ казенныхъ средствъ, это для него не существенно. Г. Мироновъ и не осмѣливается бросить упрека мірянамъ, членамъ Собора. Онъ язвитъ духовенство. У монастырей огромное количество земель и другія богатства, собранныя поборами, у духовенства—казенныя средства, у него церковныя школы.

Не грезитъ ли г. Мироновъ во снѣ? У монастырей огромное количество земель и богатствъ? Да вѣдь существуетъ на свѣтѣ статистика, которая показываетъ, что у монастырей вовсе не огромное количество земель, а весьма умѣренное и что если насельникамъ монастырей раздать удобную пахотную землю хотя бы по потребительной нормѣ, то излишковъ останется немного. Останутся лишь лѣса и пустыри. *)

---

*) См. въ этомъ же № замѣтку о церковныхъ земляхъ.

Богатства современныхъ монастырей не подсчитаны пок никѣмъ и весьма возможно, что въ своемъ счетѣ г. Мироновъ жестоко ошибается. А главное—не изъ однихъ монастырей состоитъ церковь, а изъ духовенства и мірянъ.

Что же, духовенство богато? Зачѣмъ же лгать! Духовенство русской церкви сравнительно съ духовенствомъ другихъ исповѣданій—нищее, и никто изъ «товарищей» не согласился бы жить такъ, какъ живетъ духовенство. У духовенства казенныя пособія. Да, есть: у священниковъ, далеко не у всѣхъ, по 300 руб. годового жалованья, у дьякона и псаломщика и того меньше. Кто изъ «товарищей» согласился бы получать такія деньги хотя бы въ *мѣсяцъ?* „Товарищи", насколько извѣстно, очень не обижаютъ себя и назначаютъ себѣ приличные оклады, исчисляемые сотнями рублей въ мѣсяцъ и тысячами въ годъ. Такъ зачѣмъ же говорить о духовенствѣ? Церковная школа будетъ отнята. Что же, г. Мироновъ спалъ все это время? *Будетъ отнята*?—да она давно уже отнята, хотя основана была далеко не всецѣло на казенныя средства, а на пожертвованія церквей, народа и частныхъ лицъ, да и содержалась то на тѣ же источники наполовину. Нищая русская церковь и нищее русское духовенство не имѣютъ основаній жалѣть о старомъ порядкѣ, который былъ для нихъ не матерью, а мачехой. Или это г. Миронову тоже неизвѣстно? Или онъ мыслитъ по указкѣ? Церковь, религія—врагъ народа? Да, она врагъ лжецамъ, клеветникамъ, обманщикамъ, но не народу.

Но всего лучше призывъ г. Миронова къ учителямъ и правительству. Къ учителямъ: будьте сыщиками, слѣдите за духовенствомъ! Благодарная и благородная роль! Къ правительству: отнимите у Собора казенныя средства. Г. Миронову неизвѣстно, что Соборъ получилъ отъ правительства средства не безвозвратно, а съ возвратомъ или даже скорѣе—въ упла-

ту долга. Правительство заняло у русской церкви, у Синода 4 мил., и пока ихъ не выплатило, а Собору, т. е. русской церкви дало два милліона, очевидно изъ этихъ 4. Гдѣ же тутъ казенныя средства? Что это—сознательная или ненамѣренная ложь?

Но всего лучше: дайте средства друзьямъ истиннаго народнаго просвѣщенія. Г. Миронову, живущему въ Россійской республикѣ, очевидно, неизвѣстно, что средствъ въ такихъ государствахъ правительство дать не можетъ, а ихъ даетъ народъ. Попробуйте-ка, «истинные друзья» народнаго просвѣщенія, обратиться за этими средствами къ народу. Не дастъ ли, въ самомъ дѣлѣ?

Вся бѣда Россіи въ томъ, что г.г. Мироновыхъ и имъ подобныхъ развелось въ Россіи ужасно много. Они лгутъ, клевещутъ, сѣютъ въ населеніи ненависть и вражду, а несчастная Россія отъ этого истекаетъ кровью.

О земляхъ

церквей и монастырей.

[illegible]таціонными безотвѣственными ораторами по глухимъ дерев[illegible]кимъ угламъ въ темную крестьянскую массу настойчиво проводится мысль о громадныхъ якобы земельныхъ богатствахъ церквей и монастырей.

Стоитъ, дескать, отобрать эти земли,—и составится цѣлое богатство для крестьянскаго сословія. И крестьянство вѣритъ этимъ ораторамъ и уже отбираетъ отъ церквей и монастырей земли.

Поэтому, мы считаемъ своимъ долгомъ, съ цифрами въ рукахъ, разсѣять это заблужденіе и указать, каковы, дѣй-

стительно, церковныя и монастырскія земельныя богатств

Всего въ Россіи, по послѣднимъ даннымъ 42,000 церквей. А всей земли, принадлежащей имъ, насчитывается 2.271,000 десятинъ, считая въ томъ числѣ неудобныя земли и занятыя водою.

Сюда же нужно отнести и земли переселенческихъ приходовъ въ Сибири, нарѣзанныя этимъ приходамъ въ послѣднее время. А собственно въ Европейской Россіи церковныхъ земель считается всего 1.400,000 десятинъ.

Затѣмъ, извѣстно, что во внутреннихъ губерніяхъ Европейской Россіи церковный надѣлъ опредѣляется въ 33 десятины на церковь, и лишь очень немного церквей имѣютъ надѣлъ земли большій.

А трудящагося крестьянскаго народа въ Россіи считается 100 милліоновъ человѣкъ. Вотъ и дѣлите теперь 1.400,000 десятинъ на 100.000,000 жителей,—по скольку на душу придется? Всего лишь по 1 сотой части десятины. Вѣдь это меньше 1/2 сажени.

Гдѣ же тутъ громадныя церковныя богатства? На что же тутъ поправляться крестьянству? Да и поднимется ли чья—либо честная рука на такой клочекъ церковной земли?

Еще болѣе преувеличены свѣдѣнія о земельныхъ богатствахъ монастырей.

Всего монастырей въ Россіи около 1000. Площадь монастырскаго землевладѣнія опредѣляется въ 802.436 десятинъ, изъ которой подъ монастыр. усадьбами 8632 д., пахатной 179.388 дес., луговой 87.000 д., огородной 3,726 д., подъ садами и виноградниками 3.349 д., лѣсныхъ угодій 308.397 д., неудобныхъ земель 107, 758 дес., водныхъ пространствъ 104.086 д. Слѣдовательно, удобныхъ монастырскихъ земель всего около 600,000 десятинъ, что составляетъ менѣе 1/3 церковныхъ земель. Если же отсюда исключить

300.000 д. лѣсныхъ угодій, то окажется, что монастырскихъ земель всего 300.000 десятинъ.

А раздѣлите эти 300.000 дес. на 100.000,000 крестьянскаго населенія,—получится всего лишь по 0,0003 десятины, т. е. менѣе, чѣмъ по вершку на душу.

Стоитъ—ли говорить объ этихъ пустякахъ? Гдѣ же эти богатства, о которыхъ внушаютъ злонамѣренные люди крестьянамъ?

А изъ всего сказаннаго выводъ вотъ какой. Добрые граждане крестьяне! не поддавайтесь обольстительнымъ рѣчамъ разныхъ агитаторовъ, которые будутъ говорить вамъ о несмѣтныхъ земляхъ церквей и монастырей! Требуйте цифръ, а не голыхъ словъ. И тогда поймете, что не ваше благосостояніе на умѣ у этихъ господъ, а лишь желаніе—пустить по міру духовенство и разорить Церковь Божію.

Шиломъ моря не исчерпаешь.

„В. В. Ц. Е." **Свящ. П. Сергіевъ.**

Извѣстія и замѣтки.

Союзъ христіанскихъ приходовъ, общинъ и организацій. Такой союзъ образовался въ Бессарабіи. Цѣль союза—объединеніе всѣхъ христіанъ подъ знаменемъ защиты христіанства отъ атеизма и другихъ крайнихъ теченій, планомѣрное проведеніе въ жизнь необходимыхъ реформъ для Россіи, защита политическихъ, гражданскихъ и экономическихъ правъ всѣхъ организацій Союза и просвѣщеніе массъ народныхъ въ духѣ истиннаго Христова ученія.

Совѣтъ приходскихъ общинъ въ Москвѣ. Этотъ совѣтъ поставилъ для своей дѣятельности слѣдующія цѣли: 1) Объединеніе дѣятельности всѣхъ приходскихъ совѣтовъ г.

Москвы и всей Россіи; 2) выработка образцовой организаціи приходской общины и всесторонняя помощь ея устройству на мѣстахъ; 3) командированіе въ отдѣльные приходы церковныхъ проповѣдниковъ и опытныхъ ораторовъ на приходскія собранія, гдѣ будетъ въ нихъ чувствоваться потребность; 4) организація обученія взрослыхъ неграмотныхъ въ приходахъ; 5) устройство лекцій и бесѣдъ для народа въ приходахъ, казармахъ, фабрикахъ и заводахъ по вопросамъ религіознымъ, а также по поводу переживаемыхъ моментовъ; 6) устройство внѣочередныхъ общественныхъ моленій, празднествъ и крестныхъ ходовъ съ участіемъ, по возможности, сосѣднихъ причтовъ и приходовъ; 7) издательство листовъ, проповѣдей, брошюръ и книгъ религіознаго содержанія по богословскимъ, научнымъ и современнымъ вопросамъ и т. д.

Совѣтъ приходскихъ общинъ находится въ Москвѣ, Покровка 22.

Челябинскій союзъ діаконовъ и псаломщиковъ. Этотъ союзъ, какъ и нѣкоторые другіе союзы подобнаго рода, ставитъ своею цѣлью «объединеніе младшаго клира на братскихъ христіанскихъ началахъ для защиты своихъ правовыхъ и матеріальныхъ интересовъ». Кромѣ этой основной задачи Союзъ имѣетъ въ виду пополненіе, расширеніе образованія своихъ членовъ чрезъ устройство курсовъ съ программой по богословскимъ и общеобразовательнымъ предметамъ, съ отдѣломъ по сельскому хозяйству, чтобы тѣмъ самымъ дать возможность младшему клиру принимать дѣятельное участіе въ религіозно—нравственномъ просвѣщеніи прихожанъ, а также и улучшить свое матеріальное положеніе. Союзъ имѣетъ кассу взаимопомощи; управляется съѣздомъ делегатовъ отъ благочинническихъ округовъ по 1 делегату на 10 членовъ Союза, а также Исполнительнымъ Комитетомъ въ составѣ 7 лицъ. Членскій взносъ 3 р. и 2% со всего содержанія.

Кружокъ православнаго сестричества. Такой кружокъ образовался въ с. Красной Дубровѣ Тамб. губ. Цѣли кружка слѣдующія. Сестры будутъ заботиться о благолѣпіи храма Божія, слѣдить за чистотой и опрятностью этой святыни, принимая личное участіе въ этомъ дѣлѣ; слѣдить за тѣмъ, чтобъ тишина и порядокъ въ храмѣ во время богослуженій не нарушались, особенно дѣтьми; заботиться о бѣдныхъ вдовахъ и сиротахъ прихода, оказывая имъ возможную матеріальную поддержку изъ средствъ, могущихъ быть у кружка; заботиться о христіанскомъ погребеніи бѣдныхъ прихожанъ и чтеніи надъ ними псалтири, участвовать въ церковномъ чтеніи и пѣніи. Подъ руководствомъ приходскаго пастыря онѣ будутъ слѣдить за религіозно—нравственною жизнью прихожанъ, для чего приходъ разбивается на районы и дѣлится между сестрами, гдѣ онѣ, по мѣрѣ своихъ силъ и умѣнья и по указанію и выбору своего пастыря, будутъ прочитывать книжечки и брошюры религіозно—нравственнаго содержанія, учить дѣтей и взрослыхъ молитвамъ и пѣнію, сообщать пастырю о безнравственныхъ поступкахъ прихожанъ или начавшемся религіозномъ броженіи и ученіяхъ противо—христіанскихъ, безбожныхъ, сектантскихъ и раскольническихъ.

Оживленіе церковной проповѣди. Епископъ Пантелеймонъ обратился къ духовенству Витебской епархіи съ слѣдующимъ предложеніемъ: «Я давно возмущался, когда за праздничной службой въ Витебскомъ Соборѣ, при появленіи аналоя для очередного проповѣдника, большая часть молящихся сразу поворачивала спины и толпой выходила изъ храма. Но я въ данномъ случаѣ осуждалъ главнымъ образомъ не молящихся, а ту тину, мертвечину, которыя находили себѣ оправданіе только въ совершенной бездарности, безразличіи къ живымъ людямъ и къ потребностямъ ихъ душъ. А потому очередныя чтенія поученій за празднич-

ными службами въ Каѳедральномъ Соборѣ вовсе отмѣняются, а вмѣсто того желающіе проповѣдывать приглашаются пріѣзжать изъ уѣздовъ въ Витебскъ». Епископъ, далѣе, рекомендуетъ приглашать искусныхъ проповѣдниковъ въ приходы, нуждающіеся въ проповѣди, организовать епархіальное проповѣдническое братство и объединиться съ братствами другихъ епархій.

Отзывъ епископа Гермогена о переживаемыхъ событіяхъ. Я ни благословляю случившагося переворота, ни праздную мнимой еще «пасхи» (вѣрнѣе же—мучительнѣйшей Голгофы) нашей многострадальной Россіи, изстрадавшагося душою духовенства и народа, ни лобызаю туманное и бурное лицо революціи, ни въ дружбу и единеніе съ нею не вступаю, ибо ясно еще не знаю, кто и что она есть сегодня нашей родинѣ и что она дастъ Церкви Божіей, завтра А сложившуюся (или «народившуюся») въ бурю революціи власть временнаго правительства считаю вполнѣ естественнымъ и необходимымъ—для пресѣченія и предупрежденія безумной и губительной анархіи, признавать и объ этой власти и правительствѣ молиться, дабы они всецѣло служили одному лишь благу родины и Церкви. Политическія убѣжденія пастырей Церкви должны быть строго, какъ на судѣ Божіемъ и человѣческомъ, провѣряемы и оцѣниваемы духовно—нравственными, религіозно—церковными убѣжденіями его самого и всей Церкви вѣрующихъ.

О Законѣ Божіемъ въ школѣ. Центральный совѣтъ союза законоучителей получилъ извѣстіе, что временное правительство приняло во вниманіе раздающіеся со всѣхъ концовъ Россіи голоса духовенства и мірянъ объ оставленіи преподаванія Закона Божія въ школахъ и рѣшило путемъ особаго декрета объявить, что за Закономъ Божіимъ остается прежнее значеніе. Такъ хотѣло поступать прежнее временное

правительство. Теперешнее формирующееся временное правительство изъ Шленкельмановъ, Бронштейновъ и имъ подобныхъ такъ, нужно думать, не поступитъ, а выгонитъ Законъ Божій немедленно.

Доброе начинаніе. Еще Достоевскій жаловался на затруднительное положеніе русскаго писателя. «Можно быть большимъ талантомъ,—писалъ онъ своему другу В.,—но не имѣть газеты, журнала, гдѣ бы ваша статья могла быть помѣщена»...

Съ тѣхъ поръ прошло много лѣтъ, но слова Федора Михайловича не потеряли грустнаго смысла и въ настоящее время. И теперь, какъ и тогда, русскій писатель съ большимъ трудомъ находитъ мѣсто своимъ статьямъ. Если же это—крупная литературная сила, то онъ сразу же попадаетъ въ руки предпринимателей. Пользуясь—гдѣ бѣдностью, а гдѣ—скромностью авторскихъ требованій, предприниматели за самое ничтожное вознагражденіе берутъ трудъ авторовъ и обогащаютъ книжные рынки. И если,—по словамъ поэта,—въ писательской долѣ есть что-то роковое, то, несомнѣнно, наибольшая доля этого «рокового» покоится въ только что отмѣченномъ затруднительномъ положеніи русскаго писателя.

Особенно же это приходится сказать относительно писателей духовныхъ. Духовная литература, какъ имѣющая ограниченный кругъ издателей, отдаетъ автора въ полную ихъ зависимость. Господиномъ положенія тутъ является не писатель, а издатель; послѣдній властно диктуетъ свою волю. Профессоръ Казанской Академіи, архимандритъ Өеодоръ (въ мірѣ Бухаревъ), этотъ лучшій православный богословъ, послѣ снятія сана, въ минуты глубокой нужды, горестно писалъ женѣ: „Печатаю много, а денегъ даютъ мало“... Этотъ крикъ кроткой, но наболѣвшей души Бухарева особенно понятенъ каждому духовному писателю...

Такимъ образомъ для духовныхъ писателей является потребность найти выходъ изъ создавшагося тяжелаго положенія. Если же еще принять во вниманіе, что и духовныхъ изданій—къ тому же—стало очень мало и часто просто некуда пристроить свою статью,—то потребность эта въ настоящее время становится неотложной.

Съ этой цѣлью въ Петроградѣ только что образовалось Кооперативное Издательское Товарищество духовныхъ писателей «Соборный разумъ», которое ставитъ своей задачей, между прочимъ, морально и матеріально поддержать духовныхъ писателей предоставленіемъ имъ легкаго и выгоднаго устройства своихъ произведеній. Товарищество намѣрено широко развить свою издательскую дѣятельность, и всѣ духовные писатели могутъ разсчитывать на изданіе своихъ произведеній Тов—омъ и на справедливый (не предпринимательскій) гонораръ за нихъ.

Съ другой стороны—принимая во вниманіе что, духовная литература особенно необходима въ настоящій моментъ церковной и общественной жизни, а между тѣмъ цѣны на книги возрастаютъ все больше и больше,—Тов—во ставитъ своей задачей изысканіе мѣръ къ удешевленію изданій. Съ этой цѣлью оно рѣшило не только выпускать собственныя изданія безъ препринимательской надбавки, но и на всѣ чужія изданія дѣлать своимъ членамъ скидку не менѣе 25%, притомъ—независимо отъ суммы, на какую выписываются книги (хотя бы на одинъ рубль).

Думается, что духовные писатели и особенно—различныя церковно-общественныя организаціи, которыя могутъ выписывать черезъ книжный складъ Тов—ва всѣ находящіяся въ продажѣ книги (изданныя въ Россіи),—ознакомившись съ прилагаемымъ проектомъ устава, не замедлятъ войти—въ цѣляхъ огражденія своихъ интересовъ отъ частныхъ предпринимателей—въ образовавшееся Кооперативное Т-во.

Уставъ Кооперативнаго Издательскаго Товарищества духовныхъ писателей

„СОБОРНЫЙ РАЗУМЪ“.

I. Задачи Товарищества: 1. Содѣйствовать церковно-религіозному просвѣщенію, необходимому при современныхъ условіяхъ церковной и общественной жизни въ Россіи.

Средствами къ осуществленію этой задачи служатъ: а) изданіе листковъ, брошюръ и книгъ—особенно по вопросамъ, выдвигаемымъ современностью; б) изданіе своего печатнаго періодическаго органа; в) устройство собственнаго книжнаго склада для торговли всѣми, находящимися въ продажѣ, произведеніями духовной печати. 2. Морально и матеріально поддержать духовныхъ писателей предоставленіемъ имъ легкаго и выгоднаго устройства своихъ произведеній и тѣмъ самымъ избавить авторовъ отъ эксплоатаціи ихъ труда частными препринимателями.

II. Составъ Товарищества. 3. Членами т-ва могутъ быть: а) всѣ лица, постоянно работающія на духовно-литературномъ поприщѣ или, по крайней мѣрѣ, помѣщавшія свои произведенія на страницахъ духовной печати или свѣтской—по церковно-религіознымъ вопросамъ; б) юридическія лица—всѣ церковно-общественныя организаціи, въ задачи которыхъ входятъ религіозно-просвѣтительныя цѣли (союзы духовенства и мірянъ, братства законоучителей и др., церковные, благочиннические и приходскіе совѣты и т. под.). 4. Каждый членъ при вступленіи въ т-во вноситъ вступной взносъ въ размѣрѣ трехъ рублей и пріобрѣтаетъ одинъ или нѣсколько паевъ стоимостью въ 50 руб. каждый. Всѣ члены т-ва пользуются правомъ рѣшающаго голоса въ общемъ собраніи и правомъ совѣщательнаго голоса въ правленіи т-ва.

III. Преимущества членовъ Товарищества. 5. Члены т-ва имѣютъ право на *преимущественное*, предъ сторонними лицами, изданіе ихъ произведеній, какъ совладѣльцы т-ва. 6. Члены т-ва имѣютъ право на удешевленно пріобрѣтеніе—черезъ книжный складъ т-ва—всѣхъ находящихся въ продажѣ книгъ, а именно: *со скидкой* 25% независимо отъ суммы, на какую пріобрѣтаются книги и с большой скидкой—при крупныхъ заказахъ. 7. Въ конц отчетнаго года члены т-ва получаютъ на свои паи (по количеству имѣющихся у нихъ паевъ) *дивидендъ*, опредѣляемый на каждый пай общимъ собраніемъ на основаніи годово чистой прибыли т-ва (вся прибыль дѣлится на число паевъ)

Заявленія о желаніи вступить въ члены т-ва, а также вступные и паевые взносы слѣдуетъ направлять по адресу: Петроградъ, Гороховая ул., д. 67, кв. 5 на имя казначея т-ва *протоіерея М. С. Попова*; для петрогр. жителей—телеф 657—45.

Редакціонный Комитетъ:

Предсѣдатель *Прот. М. Архангельскій.*

Члены: *Прот. А. Пульхритудовъ*

В. Масловскій.

А. Хвощевъ.

А. Бѣляевъ.

Е. Степановъ.

Издатель--Пензенская епархія.

Пензенская Епархіальная Типографія въ домѣ Соломонова.